

PECULIARITIES OF VERBAL COMMUNICATION OF SOME YOUTH SUBCULTURAL REPRESENTATIVES IN SPAIN

Victoria V. Yakovleva, Rushana R. Alimova

MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *This article is dedicated to the investigation of the most characteristic peculiarities of the identification mode of certain subcultural representatives compared to the main or dominant culture expression. To this end, the article analyses, firstly, the evolution of the term “culture” and the emergence of the “subculture” phenomenon, the history of the so-called urban tribes formation into a new social phenomenon, as well as the correlations between such concepts as “dominant culture” and “subculture”, “dominant culture” and “counterculture”. Secondly, in the article are described some vestimentary code features and the verbal realization of the identity of bakala, choni and cani subcultures, belonging to the so-called “poligono” groups, numerically superior to other groups composed by marginal young people. From the point of view of the language of these subcultures, they belong to the category of vernacular, based on a mixture of the Andalusian vernacular and a criminal slang. In this regard, the article considers the formation of the slang of similar social groups, the trends in their use of word-formation models and the grammatical design of sentences, as well as the graphical manifestation of their speech features using the examples from video and audio recordings of informants, interviews and blogs of the world youth fashion and show-business representatives. The study of a graphic speech representation can be used to investigate tendencies in word reduction or replacement with icons, as well as other features in the language of Internet forums, commentaries on publications and other forms of communication in the Internet.*

The relevance of this article is in the speech analysis of modern Spanish subcultural representatives that have emerged over two decades and existed in all major cities of Spain, have a certain influence on the speech behavior of politicians and have given new lexical units included in the Royal Spanish Academy dictionary. The article contains not only linguistic, but also extralinguistic material, which can be used in lexicology, linguistic studies, linguoculturology and in the teaching of related disciplines and may be of interest to a wide audience studying Spanish.

Keywords: Spanish, society, culture, cultural characteristics, cultural code, subculture, jargon, vestimentary code, cultural identity, non-verbal communication

For citation: Yakovleva, V.V., Alimova, R.R. (2022). Peculiarities of Verbal Communication of Some Youth Subcultural Representatives in Spain. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(1), pp. 114–121. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-114-121>

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕКОТОРЫХ МОЛОДЁЖНЫХ СУБКУЛЬТУР ИСПАНИИ

В.В. Яковлева, Р.Р. Алимова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме выявления особенностей способов самовыражения представителей субкультур определённого типа и их соотношения с поведением носителей доминантной культуры. С этой целью в статье анализируется, во-первых, эволюция термина «культура» и появление феномена субкультуры, история формирования так называемых городских племён в новое социальное явление, а также соотношение таких понятий как доминантная, или доминирующая, культура, субкультура и контркультура; во-вторых, описываются особенности вербального воплощения идентичности носителей субкультур *bakala*, *choni* и *sani*, относящихся к субкультурам так называемых дворовых групп, численно превосходящих остальные группы. С точки зрения языка данных субкультур они относятся к категории просторечных, речевое поведение которых основано на использовании смещения андалузского просторечия и криминального жаргона. В связи с этим в статье рассматривается вопрос формирования жаргона подобных социальных групп, тенденции в использовании ими словообразовательных моделей и грамматического оформления высказываний, а также графического проявления их речевых особенностей на примерах, взятых из материалов видео и аудиозаписей информантов, интервью и блогов представителей мира молодёжной моды и шоу-бизнеса. Актуальность настоящей статьи состоит в том, что в ней анализируется речь представителей современных испанских субкультур, сформировавшихся за последние десятилетия и проживающих во всех крупных городах Испании, оказавших известное влияние на речевое поведение политиков и давших новые лексические единицы, включённые в словарь Королевской академии испанского языка. Анализ графики представителей описываемых субкультур может послужить материалом для исследования тенденций к сокращению слов или замене их значками, а также иных особенностей, проявляющихся в языке интернет-форумов, комментариев к публикациям и иных формах коммуникации в интернет-пространстве. Статья содержит не только лингвистический, но и экстралингвистический материал, который может быть использован в курсе лексикологии, лингвострановедения, лингвокультурологии и в преподавании смежных дисциплин, а также может быть полезен для дальнейших исследований в области испанистики.

Ключевые слова: испанский язык, социум, культура, культурные особенности, культурный код, субкультура, жаргон, вестиментарный код, культурная идентичность, невербальная коммуникация

Для цитирования: Яковлева В.В., Алимова Р.Р. (2022). Особенности речевого поведения представителей некоторых молодёжных субкультур испании. *Филологические науки в МГИМО*. 8(1), С. 114–121. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-114-121>

Настоящая статья выполнена в русле актуальных исследований на стыке когнитивной лингвистики и социолингвистики, что обусловило научную новизну нашей работы.

Социолингвистические исследования, впервые начатые в XVII веке в университете Саламанки Гонсало де Корреасом, показали тесную взаимосвязь формы существования языка и особенностей говорящих на нём представителей языковой общности с точки зрения их возраста, социального и экономического положения, их интересов и увлечений, профессий и ремесла. Изучение обусловленности языковых процессов и явлений социальной сферой жизни общества приобрело особенно активный характер в XX веке в работах, например, И.А. Бодуэна де Куртенэ, придававшего большое значение социальной стороне языка, поскольку его существование возможно только в «человеческом обществе»; Ш. Балли, отмечавшего социальную обусловленность дифференциации средств языка по сферам общения; Е.Д. Поливанова, утверждавшего, что язык в своём развитии зависит от темпов развития общества, с некоторым, однако, отставанием от социальных изменений; Б.А. Ларина, В.М. Жирмунского, Д.С. Лихачёва, указывавших на необходимость изучения некодифицированных сфер языка, жаргонов, аргот для понимания внутренней структуры национальных языков. На современном этапе социолингвистические исследования характеризуются системным подходом, количественно-статистическим анализом языковых явлений, тесной взаимосвязью лингвистического и социологического аспектов (Дж. Фишман, У. Лабов).

Описание и анализ феномена субкультуры невозможны без соотнесения этого понятия с понятием *культура*, изучением которого занимаются философы, социологи, культурологи, филологи, психологи. Философский энциклопедический словарь [6] рассматривает определение *культуры* в первую очередь как обработку и возделывание земли, пригодной для нужд человека. В дальнейшем было введено понятие *cultura animi* как совершенствование телесных и духовных склонностей и способностей человека, свойственных в своей совокупности народу или группе народов.

Словарь русского языка С.И. Ожегова [7] дополняет трактовку понятия *культура*, обращаясь к сельскохозяйственной и технической областям, а также подчёркивает высокий уровень какого-либо достижения.

«Новая философская энциклопедия», давая определение *культуры*, делает акцент на историческом развитии поведенческих моделей, принятых в обществе [3].

Как видим, эволюция термина прошла от возделывания почвы через возделывание души к общему объёму накопленных духовных и поведенческих ценностей, отражающих и обеспечивающих весь спектр проявлений социальной жизни человечества в целом, отдельного народа, лингвокультурного сообщества и человека в частности.

Таким образом, наряду с культурой всего человечества, отдельно взятого народа или этноса, становятся значимыми и культурные особенности, свойственные более частным общностям, характеризующимся конкретными социальными чертами и функциями и являющимся компонентами общей доминантной культуры. Различные субкультуры призваны выполнять эту важную роль. Одним из способов анализа феномена культурного расслоения современного общества является теория субкультур, рассматривающая субкультуру не как самостоятельную целостность, но как часть социума, представляющего собой общую систему, в пределах которой и складывается культурный код каждой субкультуры [8].

Любое развитое общество содержит такие социальные образования, которые отличаются от преобладающей, доминантной культуры, носящей нормативный для социума характер, по ряду признаков: таковыми могут быть стиль поведения, манера одеваться, морально-культурные ценностные ориентации, обычаи и ритуалы, речевое поведение. В какой момент возникают подобные социальные образования? А именно в тот момент, когда в индустриальном обществе уже сформирована система социальных классов. Индустриальное общество складывается в крупных городах, нуждающихся в рабочей силе для фабрик и заводов в первую очередь, и таким образом формируется новый класс, представители которого уже не являются ни крестьянами, ни торговцами, ни кем-то иным. Они становятся городским классом и нуждаются в поиске собствен-

ного образа, самовыражения, идентичности. Так городские племена становятся субкультурами, которые существуют внутри доминантной культуры, но имеют общие для их представителей ценности и эстетику, атрибутику и символику [2, с. 93]. Помимо принятых правил поведения участники субкультур вырабатывают особые, присущие только им формы вербальной и невербальной коммуникации. Немаловажным становится для каждой субкультуры специфический вестиментарный код, поскольку он несёт информацию о социальном классе будущего собеседника, его принадлежности к молодёжной группе, помогает узнать «своего» и отличить его от чужака [4, с. 76]. Набор подобных кодов основан на социальном статусе носителей субкультуры, их образе жизни, районе проживания или этнической принадлежности. С помощью этих кодов субкультуры приобретают особенности, идентифицирующие их, отличающие их от других субкультур. Насыщенность социума субкультурами, по мнению К. Фишера, определяется степенью урбанизации места его проживания. Таким образом, наибольшую концентрацию субкультурных образований содержит именно город [12].

Т. Роззак в 1968 году ввёл термин «контркультура» для обозначения целостного мировосприятия, противостоящего доминирующей культуре и отрицающего её базовые ценности [14]. В отличие от субкультуры, которая содержит протест на уровне сознания и поведения личности, контркультура стремится изменить общество, его ценности.

Активности в социальных процессах молодёжные субкультуры достигли к 60-70 годам XX века, мировоззрение и ценностные ориентации последующих поколений формировались под воздействием созданных ими кумиров и идолов. Интерес к субкультурам появляется у молодёжи в период кризиса поколений: создавая культ из имиджа, субкультуры предлагают новую эстетику, новые формы самоидентификации, самоутверждения в социуме, новый образ жизни. Однако не только в удовлетворении подобных потребностей молодёжи заключается основная роль субкультур [9, с. 203]. Стремление к поиску идентичности приводит к выработке у представителей субкультур не только вестиментарного кода воплощения своего мировоззрения, атрибутики и способов невербальной коммуникации, но и к формированию особого речевого поведения, в основе которого лежит жаргон.

Жаргон (франц. *argot*, исп. *jerga*) – это социально-групповой диалект, служащий, во-первых, средством общения между членами определённой группы и выполняющий тем самым коммуникативную функцию; во-вторых, он маркирует принадлежность говорящего к определённой группе или общности, отражая тем самым его желание остаться непонятым для не принадлежащих к этой группе остальных носителей языка, – в этом проявляется криптолалическая функция жаргона» [1, с. 4].

Изначально жаргоном называлась речь представителей криминальных и маргинальных социальных групп, пользующихся особой закодированной лексикой, делавшей их язык непонятым для непосвящённых. Однако эта изначальная «секретная» роль жаргона постепенно расширилась, приобрела новые формы. Сегодня, когда речь идёт о профессиональном, молодёжном, студенческом и школьном жаргоне, жаргоне интернет-пользователей и многих других, то имеется в виду такой язык социальных групп, общение на котором происходит в комфортной для говорящих на нём лиц ситуации. Таким образом, в ситуации общения единомышленников, объединённых общими интересами, основной функцией жаргона становится коммуникативная.

Жаргон – это естественное явление в языке любой лингвокультурной общности, поскольку отвечает потребностям определённых социальных групп этой общности. К подобным социальным группам относятся *tribus urbanas*, «городские племена», или субкультуры.

Наиболее яркими и индивидуализированными в своём речевом поведении являются представители субкультур *bakala* и *choni/canì*. Рассматриваемые молодёжные субкультуры *choni/canì* и *bakala* принадлежат к группе образа жизни, которую предлагает выделить А.В. Толстых [5, с. 340]. Это так называемые дворовые компании окраин больших городов, *poligoneros*.

Bakala появились в Валенсии в начале девяностых как субкультура завсегдатаев недавно открывшихся и быстро ставших популярными ночных дискотек. Они перемещались из одного заведения в другое и за ночь обходили как можно большее количество клубов, где звучала элек-

тронная музыка, называемая в Испании *música bakalao* и давшая название этой субкультуре. Такой ночной маршрут назывался *Ruta de Bakalao*. *Bakala* носили спортивную одежду и бейсболки, массивные золотые цепочки и браслеты, они и положили начало популярному сегодня стилю спорт шик.

Речь *bakala* отличается некоторыми фонетическими особенностями: звук [s] они произносят как [h] – *eh que, atahco (es que, atasco)*. Такое произношение характерно для жителей окраин Мадрида и многих крупных городов. Кроме того, говорят они очень громко, следуя привычке первых *bakala*, которым приходилось перекрикивать шум дискотек. Позже эта связь с громкой музыкой исчезла, но громкая речь превратилась в отличительный знак этой субкультуры.

Ещё одной особенностью речи представителей данной группы является использование компонентов СО и NENG, которые они присоединяют к окончанию слов или целых фраз:

- *¿Que pasa/paha/ co? Co, pero co, Le dije a un colega co el otro día, co tío. Y me dijo: ey, co, no me vaciles co.*

Компонент СО чаще встречается в речи арагонских *bakala*, в остальных автономных сообществах Испании более частотным является компонент NENG, давший имя персонажу популярных комиксов и юмористической передачи на канале Antena 3.

- *Somos colegas de la calle, pero de verdad, neng, ¿sabes?, neng, que luego la peña te toma el pelo y no te respeta, neng, y yo nunca voy a faltar a mis colegas, neng, siempre voy a estar con vosotros.*

В своё время этот персонаж стал настоящим медийным феноменом: его фирменная приписка *¿qué passa neng?* звучала вместо телефонных звонков, его изображение появлялось на обложках журналов и в рекламных роликах. И хотя этот персонаж задумывался как пародия на такие субкультуры как *bakala*, они стали считать его проводником своего образа жизни в обществе.

Типичными чертами речевого воплощения субкультуры *bakala* стали короткие формы императива (*pírate, píllate un taxi, a callarse, a pararse*), повторы при употреблении компонентов *y* и *que* в различных значениях, ограниченное число используемых прилагательных с оценочным значением (*bueno, guapo, guay*).

- *¿Tú tienes churri o qué, neng? ¿Está buena o qué, neng? -Lo he pillado, lo del retrato robot. La nariz pequeña, que yo la tengo muy grande, que le vas a dar un muerdo, neng, y dices...*

В начале 2000-х гг., однако, эта субкультура потеряла свою актуальность вместе с угасанием моды на электронную музыку *bakalao* и уступила место субкультуре *choni* и *cani*.

Так же, как и *bakala*, *choni/cani* относятся к так называемым дворовым группам, компаниям *poligoneros*.

Исследователи испанских субкультур предполагают, что название *choni/cani* образовано от англоязычного жаргонного наименования рабочей молодёжи *chav, charver, chava*. Такое происхождение термина свидетельствует о классовом или социальном положении данной группы в большей степени, чем о принадлежности *choni* к субкультурам образа жизни [13]. Подобный социальный статус *choni* у *cani* не может не находить отражения в их основных характеристиках: отсутствие интереса к образованию, и как следствие отсутствие постоянного места работы, требующего профессиональной подготовки, склонность к проявлению агрессии и провоцированию ссоры. Эти черты тонко подметил Антонио Бургос, журналист, занимающийся аналитикой политической ситуации в Испании, который провёл параллели между поведением *cani* и некоторых представителей политических кругов новой формации.

Вестиментарный код *choni/cani* идентичен коду *bakala*: спортивные костюмы как неотъемлемая форма одежды, крупные блестящие украшения. При этом представительницы данной субкультуры *choni* предпочитают яркие вызывающие цвета во всём: от одежды до маникюра и макияжа, что заставляет воспринимать такую девушку как олицетворение дурного вкуса. Именно поэтому слово *choni* в последние годы стало употребляться в значении «вульгарная, пошлая, не имеющая вкуса». Однако это не относится к мужской половине субкультуры *cani*, несмотря на их не меньшую любовь к массивным цепям и браслетам, пирсингу и татуировкам. И если девушки, представляющие эти дворовые группировки, называются только *choni*, то наименований для

мужчин гораздо больше и зависеть они могут от района проживания или автономной области: *jinchos, co, los burracos, anganos, los quillos/killos, majolillos*.

Т.Б. Щепанская относит субкультуры, подобные *bakala, choni/caní*, к категории просторечных [8], поскольку отсутствие интереса и мотивации к получению образования, и, напротив, криминальные наклонности, характеризующие эти субкультуры, не могли не отразиться на их языке. В основе речевого воплощения *caní/choni* лежит смешение цыганского криминального жаргона и андалусийского просторечья. Для такого «коктейля» характерны особые модели в словообразовании, не слишком широкий арсенал лексических единиц и, конечно, особенности произношения. Однако особый интерес представляет их графика, к которой мы обратимся ниже.

Среди фонетических особенностей заметно удлинение согласной [s] в позиции между гласными в словах недлительного звучания, как правило, состоящих из двух слогов: *¡me gusta esso! ¿qué asseh?* = ¿qué haces? *¿qué isse?* = ¿qué dices? Однако в конце слова или перед согласной наблюдается обратный процесс: она не произносится вовсе, а на письме трансформируется в *h* – *loh peloh, lah rubiah, ereh, buhcah*. С точки зрения словообразования, речь *caní/choni* характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями: с одной стороны, усечение начальных частей основ слов: *quillo/-a* или *killo* или *quiyo* = *chiquillo*, *ira* = *mira*, *amo* = *vamos*, *chacho* = *muchacho*. С другой стороны, создание гибридных форм, получаемых путём слияния двух или более слов, одно из которых уже является усечённым: *tukereh/ tuckerun* от *tú qué eres (un)*, *surmano/surman*, от *su hermano*, *damun lero* = *dame un euro*.

В определённых ситуациях *choni* и *caní* используют составные фразы, типичные для коммуникации в кругу «своих»:

¡Kha teh paha en la boca?! = ¿Qué te pasa en la boca? – реакция на не понятное по смыслу высказывание.

¡Амоооооо! ¡Отааааа q wapoоооо! = «*Vamos, qué guaro*» – используется для выражения восхищения.

¿А que te bufo? – с интонацией угрозы предупреждает о грядущей драке.

¡Ke jarte tiene mi arma! = «*¡Que arte tienes, mi alma!*» – выражает похвалу другому *caní*.

¿Saeh qué te quieoh desí o no? = «*¿Sabes qué te quiero decir o no?*» – используется, чтобы удостовериться в том, что собеседник *caní* внимательно его слушает.

¿Ave o no? или *¿e o no?* = *¿Sabes o no?* – обычно этой фразой *choni* подводит итог предшествовавшему высказыванию.

Enga amonos ke etsa gente no tiene ná. = «*Venga, vámonos, que esta gente no tiene nada*» или *¡Ke yo «tsoi» mu loko!* = «*Que yo soy muy loco*» – финальная фраза при окончании спровоцированной ссоры.

Acho loko = *Muchacho loco* – положительная характеристика, даваемая *caní* другому *caní*. Среди *caní* принято обращение *Sosio* = *colega* к мужчине, *piba, pava* – к девушке, при этом, если *choni* и *caní* называют одного из своих «соплеменников» по имени, то используют несколько видоизменённый определённый артикль, маркирующий принадлежность к одной группировке: *é Rafa, é Mígue, é Gabi, la Rosi, la Mári* [9, с. 205] – отсутствие артикля отличает чужака. Женскому имени собственному в этом случае может предшествовать элемент, заменяющий артикль, *Sha*. При обращении к мужчине этот элемент имеет форму *Se* или *Er*. После имени собственного при обращении к девушке *choni* зачастую используют эпитеты *chula, guapa, morena* и т.д.: *Sha Marujah chulah*.

Представляет интерес также и графическое воплощение речи носителей этой субкультуры. В первую очередь оно обусловлено отсутствием у них образованности и спецификой произношения, что становится очевидным во фразах, подобных следующей: *¿Te gutan lah kiya?* = *¿Te gustan las chiquillas?* Здесь можно наблюдать сразу три типа ошибок, маркирующих графику *choni/caní*: выпадение *S* перед согласной, замена одних согласных другими, включая упрощение орфографии, связанное с правописанием *C/QU*, а также несоответствие форм множественного числа глагола и артикля форме единственного числа существительного. «Письменность» *choni* и *caní* отмечена ещё одной характерной чертой: повышенной частотностью использования буквы «h», причём не только как заместителя согласной «s», как можно было бы ожидать, учитывая особенности произ-

ношения этих групп. Но «h» появляется даже в самых неожиданных позициях (*Monchoh, ke ehtah asiendoh?* = Moncho, ¿qué estás haciendo?). Кроме того, Choní и caní ввели в употребление букву «k», традиционно используемую в словах иностранного происхождения и заимствованиях, тем самым облегчая себе орфографию при отображении звука [к] на письме (ke, loko, bakala).

Не менее интересное графическое явление можно наблюдать в оформлении текстов посланий представителей этой субкультуры: являясь последователями культуры bakala и стремясь передать громко звучащую на шумных дискотеках речь, они в хаотичном порядке используют чередование строчных и заглавных букв, причём применяют этот приём не только в оформлении фразы в целом: подобный калейдоскоп можно наблюдать в написании одного, даже короткого, слова. Таким незатейливым способом создаётся не только эффект повышения или понижения тона, но и передаётся эмотивная составляющая высказывания:

sHa mAriiAh sHulAA !!! mAioR de lAh rUbiah!!! Ke Passaaa niNia!!! KeREmoh Yo y eR RoBer VeRTe PRoNTTo xa esCuxAr la mUsica eiiNN ??? Ke Lo ZePa Tuu !!!! 1 bEsSoo !! y CuiaTe !!!!» что означает: «!La María chula! ¡La mayor de las rubias! ¿Qué pasa, niña? El Rober y yo queremos verte pronto para escuchar la música. Que lo sepas. ¡Un beso y cuídate!».

Особенности речевого поведения представителей рассматриваемых субкультур, проявляющиеся как в устной форме, так и в письменной, в первую очередь обусловлены общим низким уровнем образованности, отсутствием мотивации и желания получать образование, а также классовой принадлежностью и образом жизни. Этим объясняется большая доля жаргонизмов, нарушение норм орфографии и орфоэпии, синтаксиса и пунктуации, упрощение графики в целом, присущие их языку. Оба этих фактора позволяют отнести данные субкультуры к типу дворовых, или просторечных, и анализировать их язык с точки зрения ненормативного использования. Однако, choní и caní интересны не только как субкультуры: включение лексической единицы choní в Словарь испанского языка Королевской академии в 2014 году с определением *chabacano, vulgar* [11] (пошлая, не имеющая вкуса) свидетельствует о его частотном употреблении. Кроме того, феномен choní у caní в политической среде применительно к молодым политикам новой формации, по мнению упомянутого выше А. Бургоса, может объясняться не только растущей безработицей или эскалацией агрессивных настроений в обществе в целом, но и такими частными на первый взгляд явлениями, как провал реформы школьного образования, смена ценностных ориентаций и отрицание подростками авторитета старшего поколения, учителей и родителей [10].

Тем не менее, подобные проявления речевого поведения присущи представителям определённых слоёв общества и не могут остаться вне поля зрения современных исследователей.

© В.В. Яковлева, Р.Р. Алимова, 2022

Список литературы

1. Денисова А.П. Современный испанский жаргон. Москва: Российский университет дружбы народов, 2007. 104 с.
2. Латышева Т. В. Феномен молодёжной субкультуры: сущность, типы // *Социологические исследования*. 2010. №6. С. 93–101.
3. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]: URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ (Дата доступа: 12 июля 2020г.)
4. Сливчикова Ю.В. Костюм женщины-политика сквозь призму манипулятивных возможностей испанского газетно-публицистического дискурса// *Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2016, № 2. С. 76–89.
5. Толстых А.В. Подросток в неформальной группе// *Психология развития*./ Под ред. А.К. Болотовой и О.Н. Молчановой. М: ЧеРо, 2005. с. 337–342.
6. Философский энциклопедический словарь/ Под ред. Е.Ф. Губского. М: ИНФРА-М, 2009.
7. С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М: Русский язык, 1991.
8. Щепанская Т.Б. Традиции городских субкультур \\\ Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003 [Электронный ресурс]: URL: <http://poehaly.narod.ru/subcult-f.htm> (Дата доступа: 12 июля 2020г.)
9. Яковлева В.В. Заметки о choní, caní и особенностях их языка//IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках. Материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Российский университет дружбы народов. 2019. С. 203–207.

10. Antonio Burgos. Los canis al poder //ABCdeSevilla. 15.03.2010 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.abcdesevilla.es/20100315/sevilla-opinion-firmas/canis-poder-201003142338.html> (Дата доступа: 11 июля 2020г.)
11. Diccionario de la Real academia española [Электронный ресурс]: URL: www.rae.es/ (Дата доступа: 12 июля 2020г.)
12. Fischer C. The urban experience. N. Y, 1984. 371 p.
13. Marina Scofield. Por qué deberías dejar de usar la palabra choni// Elle. 01.08.2018 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.elle.com/es/living/ocio-cultura/a22195432/por-que-deberias-dejar-de-usar-la-palabra-choni/> (Дата доступа: 11 июля 2020г.)
14. Rozak T. The Making of a Counter-Culture. Reflections on the Technocratic Society and Its Yuthful Opposition. Garden City, 1969. 313 p.

References

1. Denisova, A.P. *Sovremenny ispanskiy zhargon* [Modern Spanish slang]. Moskva: Rossiyskiy universitet druzhby narodov, 2007. 104 s.
2. Latysheva, T. V. Fenomen molodezhnoi subkul'tury: sushchnost', tipy // *Sotsiologicheskie issledovaniia*. [The phenomenon of youth subculture: essence, types // Sociological studies] 2010. №6. S. 93–101.
3. *Novaia filosofskaia entsiklopediia*, gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ (accessed: 12 July 2020.)
4. Slivchikova, Ju.V. Kostium zhenshchiny-politika skvoz' prizmu manipulativnykh vozmozhnostei ispanskogo gazetno-publitsisticheskogo diskursa [Women's power dressing in the light of the manipulative capabilities of the Spanish political discourse] // *Vestnik RUDN, seriia Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, 2016, № 2. S. 76–89.
5. Tolstykh, A.V. Podrostok v neformal'noi gruppe // *Psikhologiya razvitiia*. [A teenager in an informal group // Development Psychology] / Pod red. A.K. Bolotovoi i O.N. Molchanovoi. M: CheRo, 2005. S. 337–342.
6. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'*. [Philosophical Encyclopedic Dictionary] / Pod red. E.F. Gubskogo. M: INFRA-M, 2009.
7. Ozhegov, S.I. *Slovar' russkogo iazyka* [Russian language dictionary]. M: Russkiy iazyk, 1991.
8. Shchepanskaia, T.B. Traditsii gorodskikh subkul'tur // *Sovremenny gorodskoi fol'klor* [Traditions of urban subcultures // Modern urban folklore]. M.: RGGU, 2003, poehaly.narod.ru/subcult-f.htm (accessed: 12 July 2020)
9. Yakovleva, V.V. Zametki o choni, cani i osobennostiakh ikh iazyka [Notes on choni, cani and their language features] // *IV Firsovskie chteniia. Iazyk v sovremennykh diskursivnykh praktikakh. Materialy dokladov i soobshcheniy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language in modern discursive practices. Proceedings of the International scientific-practical conference]. Rossiiskii universitet druzhby narodov. 2019. S.203–207.
10. Burgos, A. Los canis al poder// *ABCdeSevilla*. 15.03.2010, www.abcdesevilla.es/20100315/sevilla-opinion-firmas/canis-poder-201003142338.html (accessed: 12 July 2020.)
11. *Diccionario de la Real academia española*, www.rae.es/ (accessed: 12 July 2020.)
12. Fischer, C. *The urban experience*. N. Y, 1984. 371 p.
13. Scofield, M. Por qué deberías dejar de usar la palabra choni// *Elle*. 01.08.2018, www.elle.com/es/living/ocio-cultura/a22195432/por-que-deberias-dejar-de-usar-la-palabra-choni/ (accessed: 11 July 2020).
14. Rozak, T. *The Making of a Counter-Culture. Reflections on the Technocratic Society and Its Yuthful Opposition*. Garden City, 1969. 313 p.

Сведения об авторах:

Яковлева Виктория Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: дидактика, лингвокультурология, лексическая семантика, когнитивная лингвистика, переводоведение.

E-mail: cosvic@mail.ru, v.yakovleva@my.mgimo.ru

Алимова Рушания Рашитовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: дидактика, лингвокультурология, методика преподавания, когнитивная лингвистика, переводоведение.

E-mail: ralimova@mail.ru, r.alimova@my.mgimo.ru

About the authors:

Victoria V. Yakovleva – PhD, Associate Professor of the Department of Spanish, MGIMO University. Spheres of research and professional interests: didactics, linguoculturology, lexical semantics, cognitive linguistics, translating. E-mail: cosvic@mail.ru, v.yakovleva@my.mgimo.ru

Rushana R. Alimova – PhD, Associate Professor of the Department of Spanish, MGIMO-University. Spheres of research and professional interests: didactics, linguoculturology, methods of teaching, cognitive linguistics, translating. E-mail: ralimova@mail.ru, r.alimova@my.mgimo.ru

* * *